

Коробкина И.А.
«БИТВА ЗА КАВКАЗ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Зарубежные исследователи до недавнего времени традиционно отдавали предпочтение изучению предыстории и первоначального периода войны между Германией и Советским Союзом, рассматривали отдельные аспекты внешней и оккупационной политики Германии, проблемы тактического руководства боевыми операциями, исследовали претворение в жизнь концепции «военной экономики», много внимания уделяли изучению коллаборационистских формирований, профессиональных качеств военной элиты «третьего рейха». Вместе с тем, до сих пор нет основанного на солидной источниковой базе обобщающего исследования военного планирования Германии, представляющего собой нечто большее, чем просто описание во временной последовательности событий на советско-германском фронте после завершения первого этапа операции «Барбаросса» [2, с. 513].

По мнению Б. Вегнера, безусловный пробел в исторических исследованиях обусловлен упрощенным представлением о том, что сражения 1942–1945 гг. представляют собой лишь приведение в исполнение смертного приговора «третьему рейху», который тогда, в сущности, уже проиграл войну [2, с. 514]. Исследуя «Битву за Кавказ», зарубежные авторы, в число которых входят и непосредственные участники событий, обычно обращают внимание на следующие факторы: немецкое оперативное планирование, осуществление военных операций, причины неудач летне-осенней кампании 1942–1943 гг.

Ряд зарубежных авторов трактуют план «Блау», план второго «восточного похода» как просто второе издание плана «Барбаросса», предназначенного для осуществления под другим названием несколько иных оперативных целей. Б. Вегнер отмечает, что осуществление плана «Блау» представляло собой военную кампанию с совершенно самостоятельными стратегическими целями, которые во многом отличались от всех предыдущих наступлений вермахта. Это была уже не чисто европейская война, так как в декабре 1941 г. в войну вступили США и Япония. Одновременно имевшееся у руководства рейха пространство для маневра значительно уменьшилось. При планировании учитывалась боевая мощь Красной Армии и хорошая подготовка. И, наконец, отсутствовал присущий начальному этапу операции «Барбаросса» момент внезапности, как в политической, так и в стратегической сферах [2, с. 514].

К. Барнет считает, что военное планирование Германии на 1942 г. отмечалось смещением акцентов и относительной скромностью задач. Впервые с 1938 г. Гитлер не замыслил новых безумных предприятий, таких, как открытие нового фронта, а вместо этого решил возобновить активные военные действия в России. «Голубой план» предусматривал наступление только на южной половине Восточного фронта. Это свидетельствовало о признании Гитлером преобладания военной мощи России над военной мощью Германии [1, с. 22].

По мнению Г.А. Якобсена запланированное в четыре фазы наступление согласно директиве № 41 от 5 апреля 1941 (план «Блау») – взятие Воронежа, уничтожение советских сил между Донцом и Доном, захват Сталинграда и поворот на Кавказ не было полностью обеспечено сосредоточенными на южном крыле фронта войсками и их боеспособностью. Из 162 дивизий,

действовавших на Восточном фронте, полностью были пригодны для предстоящего наступления только 8, 3 – после кратковременного доукомплектования, а 47 – ограниченно пригодны для оборонительных целей. На 16 танковых дивизий приходилось всего лишь 140 боевых танков. Уверенность в успехе исходила из убеждений Гитлера о том, что русские – на пределе своих сил и свои последние резервы уже ввели под Москвой. Это противоречило оценкам отдела «Иностранные армии Востока», который отмечал возрастающую силу Красной Армии. Г.А. Якобсен также отмечает, что советские войска научились на опыте первого года войны: ловким маневрированием они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создавшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий [9, с. 37].

Практически все авторы, включая и немецких, которые в своих исследованиях рассматривали события весенне-летней кампании 1942 г. на Восточном фронте, дают однозначно негативную оценку авантюристической, не соответствующей принципам классической стратегии ведения войны директиве № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг»», в которой Гитлер вместо первоначально предусмотренных эшелонированных операций приказал провести расходящееся по направлениям одновременное наступление к Волге и на Кавказ. Тем самым вермахту, который к началу летнего наступления занимал фронт протяженностью 800 км., приказывалось захватить полосу протяженностью 4100 км. и удерживать её от вражеских атак.

Г.А. Якобсен отмечает, что, не говоря о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были возникнуть вследствие этого, стратегическая цель уже никоим образом не соответствовала наличным средствам. К тому же боевые действия в июне 1942 г. доказали, что ни на пути к Волге, ни на Кавказе главные силы Красной Армии разбить было нельзя. В этом, по мнению немецкого историка, и лежала главная трагедия 6-й армии [9, с. 38].

К. Цейтцлер считает первой роковой ошибкой 1942 г. не только решение о проведении наступательной операции по расходящимся операционным направлениям, но и согласие Гитлера с предложением Йодля о привлечении к удержанию фронта после прекращения немецкого наступления свежих дивизий от нацистских союзников: итальянские, румынские и венгерские соединения, которые не отвечали требованиям войны на этом суровом театре военных действий. Однако Гитлера интересовало лишь увеличение количества дивизий на его штабных картах [7, с. 179].

У. Ширер называет директиву № 45 одним из наиболее роковых документов, изданных Гитлером за всю войну. В этой директиве воплотилась фанатичная решимость захватить одновременно и Сталинград, и Кавказ вопреки советам начальника генерального штаба ОКХ Гальдера. Одним из результатов осуществления операции «Брауншвейг» явилась переброска 4-й танковой армии Гота со стalingradского направления для усиления 1-й танковой армии Клейста для наступления на Кавказ. С У. Ширером соглашаются многие авторы о вероятности в тот момент почти беспрепятственного продвижения 4-й танковой армии к Сталинграду, который тогда почти некому было оборонять. Осуществление директивы № 45 привело к тому, что в конечном итоге не была достигнута ни одна из поставленных в ней целей и Германия потерпела самое унижительное поражение в своей истории. Вскоре стало совершенно ясно, что Гитлеру никогда не удастся выиграть войну и что дни «тысячелетнего третьего рейха» сочтены [8, с. 440].

Уже в ходе быстрого продвижения немецких войск в юго-восточном направлении возникли первые трудности со снабжением войск, которые затем стали хроническими и постепенно превратились в настоящее бедствие. Особенно это касалось снабжения горючим. К. Типпельскирх, непосредственный участник событий, пишет о том, что иногда острая нехватка горючего даже вынуждала доставлять его по воздуху. Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, сами расходовали в пути большую часть своего груза. Иногда дело доходило до парадокса: для транспортировки горючего использовались караваны верблюдов. По мнению К. Типпельскирха, затруднения с подвозом помешали внезапно захватить кавказские перевалы, прежде чем русские сумели усилить их оборону. 21 августа 1942 г. немецкие горные стрелки на Эльбрусе подняли немецкий флаг, однако, как метко заметил К. Типпельскирх – это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения [6, с. 236].

На нехватку горючего как одну из причин неудач немецкого наступления на Кавказе указывал и командующий 1-й танковой армией генерал-полковник фон Клейст. Снабжались не-

мецкие войска по железной дороге через узкую горловину в Ростове, так как путь по Черному морю считался небезопасным. Часть горючего перебрасывалась по воздуху, однако, общий объём поставок был недостаточен для обеспечения высокого темпа наступательных операций. Но главной причиной провала операций на Кавказе Клейст считал растаскивание по частям его армии для поддержки войск, наступавших на Сталинград. Клейст помимо нескольких моторизованных частей передал корпус зенитной артиллерии и все военно-воздушные силы, за исключением разведывательных эскадрилий [4, с. 234].

Немаловажным фактором срыва немецкой операции на Кавказе явилась и необъективная оценка при оперативном планировании боеспособности Красной Армии. Начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель, анализируя провал операции на Кавказе, отмечал изменение самого характера боевых действий: противник научился избегать клещей, охватов и фланговых обходов – число захваченных пленных в битвах на окружение стало незначительным по сравнению с первым этапом войны. Советские войска оказывали упорное сопротивление только на сталинградском направлении и в предгорьях Кавказа, на всех остальных участках фронта активно маневрировали и всячески избегали боевого соприкосновения и огневого контакта [3, с. 319].

Генерал-майор фон Бутлар указывает на то, что немецкое верховное командование недооценило новую тактику советских вооруженных сил. За время растянутого немецкого наступления, которое хронически сопровождали перебои в снабжении, советские войска пополнили свои силы, подготовились к обороне кавказских перевалов и усилили войска, прикрывавшие нефтяные промыслы Грозного. Немецкое наступление на Кавказе захлебнулось. По мнению Бутлара, вермахт не имел больше сил, для того чтобы выйти на оперативный простор. Советские войска подготовили хорошо оборудованные горные позиции и ожесточенно оборонялись на них. Сопротивление, которое они оказывали, постоянно росло. Сломить его немцы просто не могли, считает Бутлар [5, с. 192]. И далее он заключает, что, оценивая сегодня события того времени, можно прийти к выводу, что невозможность продолжения наступления войск группы армий «А» была, вероятно, и для неё и для её командования просто счастьем, потому что даже при полном успехе наступления ей вряд ли удалось бы повлиять на ход событий в излучине Дона. Не подлежит сомнению, что если бы её войска и преодолели горный хребет и даже вышли бы к южной границе Советского Союза, то после катастрофы в верхнем течении Дона и под Сталинградом они просто не сумели бы пробиться из Закавказья назад и соединиться с главными силами вермахта [5, с. 192].

Литература

1. Барнет, К. Военная элита рейха / К. Барнет. – Смоленск: Русич, 1999. – 528 с.
2. Вегнер, Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза / Б. Вегнер // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / пер. с нем. – Москва: Весь мир, 1997. – 704 с.
3. Кейтель, В. 12 ступенек на эшафот... / В. Кейтель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 416 с.
4. Лиддел Гарт, Б. Что рассказали немецкие генералы / Б. Лиддел Гарт // От Мюнхена до Токийского залива. – Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1992. – 448 с.
5. Мировая война 1939–1945 годы. – Москва: Иностранная лит-ра, 1957. – 587 с.
6. Типпельскирх, К. История второй мировой войны / К. Типпельскирх. – Санкт-Петербург: Полигон, 1994. – Т. 1. 1939–1943. – 298 с.
7. Цейтцлер, К. Сталинградская битва / К. Цейтцлер // Роковые решения вермахта. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 216 с.
8. Ширер, У. Крах нацистской империи / У. Ширер. – Смоленск: Русич, 1999. – 736 с.
9. Якобсен, Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война: хроника и документы / Г.-А. Якобсен // Вторая мировая война: Два взгляда. – Москва: Мысль, 1995. – 556 с.